

Все случилось в первый же день. Это было 1 декабря 1997 года, Том Лэмб прилетел пятичасовым рейсом Дели – Москва. В Шереметьево его встретил приятный молодой человек Коля, представитель новых российских партнеров, и отвез в пятизвездочную гостиницу в центре Москвы. Они согласовали расписание встреч: вечером ужин с руководством компании, на завтра – с утра посещение мясокомбината, куда Мясной союз будет поставлять новозеландскую баранину, днем экскурсия по Москве, вечером – некий загадочный «приятный сюрприз». Послезавтра кульминационный момент – подписание трехлетнего контракта на поставки мяса, после чего банкет и вылет утренним рейсом Москва – Дели – Окленд.

Это была вторая поездка мистера Лэмба в загадочную экзотическую Россию, и он ждал ее с нетерпением. Еще два года назад, когда он прилетал подписывать контракт с первой российской дистрибьюторской компанией, ему понравилось ловить ртом снежинки на лету, разглядывать из лимузина ночную набережную Москвы-реки, разговаривать с русскими на их странном русском языке, который учил еще в школе, и вообще ощущать себя на перекрестке Запада и Востока, Европы и Азии. Его даже умиляли эти наивные русские «приятные сюрпризы», означавшие, по слухам, обычную пьянку в бане в компании нежных славянских сирен.

Отпустив Колю, Том решил разобрать свои вещи и принять душ, но услышал телефонный звонок.

– Привет, Том! – раздался знакомый бодрый баритон. – Я тут провожал приятеля и случайно увидел твоё имя в списке гостей. Страшно рад тебя слышать! Как дела? Какими судьбами?

– О-о, Витал! – воскликнул Том. – Я удивляться ты меня нашел! Я так рад. Мы обязательно надо встретиться. У меня есть новости для тебя.

– У меня тоже. Слушай... Давай я быстро заскочу к тебе, а? Я тут в лобби торчу. Разговор всего на пять минут, но это срочно. Спасибо, сейчас буду.

Том не успел вежливо отказаться, как Виталий бросил трубку.

Том задумался. Странно, что Виталий оказался в отеле одновременно с ним. И непохоже, что это случайно. Откуда-то он узнал о цели его приезда и, видимо, заволновался. В любом случае придется его успокоить, но Тому не хотелось тратить на это силы сразу после самолета.

Виталий вошел в номер в сопровождении гориллы устрашающей комплекции и мрачного вида. Вид Виталия тоже не внушал радость.

– Прости, но времени у меня мало, так что сразу перейду к делу, – устало сказал Виталий, усаживаясь в кресло. Громила остался стоять у двери. – Скажу прямо: я знаю, зачем ты явился. И я очень огорчен.

– Не надо быть огорчен, – поспешил перебить Том. – Все в порядке, мы остаемся партнерами...

– Нет, ты не понял. Я очень огорчен и разочарован. Мы столько работали вместе. Все было так хорошо. Я думал, мы не просто партнеры. Мы больше чем партнеры. Мы эксклюзивные партнеры. И что я вижу? Ты прилетаешь разговаривать неизвестно с кем, с какими-то голодранцами, растишь для нас конкурентов. Зачем, Том? Тебе с нами плохо? Том присел на диван и тяжело вздохнул.

– Я понял. Но ты все неправильно понимать. Не был такой условий, как эксклюзив партнершип. Позиций Мясной союз есть прямой – должен быть компетишн. И должен быть сэйлс. Мы доволен работать с вами, и мы хотим быть доволен работать с другими. С любой кто хочет. Один команда не справится, российский маркет очень великий. Мы завтра подписать контракт с новый дистрибутор, и мы продолжать работать с вами. Ноу проблем.

Том мягко улыбнулся.

Виталий тоже улыбнулся какой-то застывшей улыбкой, после чего долго смотрел на Тома незнакомым стеклянным взглядом. Потом заговорил, и в голосе его зазвучало прямо-таки неприличное для взрослого человека раздражение.

– Значит, так... Ви завтра не «подписать никакой контракт». Ви завтра улетать домой, чтобы я ноги твоей тут не видел, понял? И моя на-срать на твой Мясной союз и его позицию, понял? А перед тем как улетать, мы внесем дополнение к договору – об эксклюзивных условиях работы. И чтобы не было тут никаких новых дистрибуторов. Вот так мы теперь будем работать. Потому что это наш рынок и я лучше знаю, как здесь надо работать. Ты понял?

Всю эту тираду Том выслушал с широко раскрытым ртом, не веря своим ушам. Этот русский будет учить его, с кем можно встречаться, с кем нельзя, с кем он, Том Лэмб, должен работать и с кем не должен! И этот парень думает, что может позволить себе говорить с ним, человеком намного старше его, столь неприемлемым тоном!

С трудом сдерживая гнев и тщательно подбирая слова, Том ответил:

– Извини, Витал, но ты не мой менеджер. Ты мой партнер. Ты не можешь командовать. А я делать то, что считать нужным, и то, что в интересах Мясной союз. О`кей?

Тут Виталий взорвался:

– Ты что, тупица?! Ты понял, что я не спрашиваю, чего хочет твой Мясной союз, или не понял? Ба-

ран ты новозеландский! Ты будешь делать, что я хочу, или убирайтесь в задницу с нашего рынка! Мы найдем других поставщиков, которые правильно понимают, кто здесь хозяин.

Том Лэмб сдвинул брови и, дрожа от волнения, выкрикнул:

– Я не есть баран! Не смей мне кричать!

– Ты не есть баран? – Виталий весело рассмеялся и развалился в кресле. – Сейчас посмотрим, кто ж ты есть, если не баран. Валец, ну-ка...

Громила отделился от двери и вышел в центр комнаты. Том Лэмб непроизвольно откинулся на диване и с ужасом заподозрил, что сейчас его будут бить. Такого он не мог представить себе даже в страшном сне.

Но Валец сделал совсем другое. Он достал из-за пазухи старый, весь в лохмотьях блокнот, и стал его неловко листать своими здоровенными пальцами. Наконец, нашел нужную страницу, выставил блокнот вперед и стал читать:

– Ахтуб... Махтуб... Айялай... Сарай... Айран... Байрам... – И под конец страшным голосом взвизнул: – Баран!!!

На последнем слове Том почувствовал себя как на гипнотическом сеансе: в глазах вдруг все помутилось, голова закружилась и дико заболела, как от мигрени, тело одеревенело, и он повалился ничком на пол.

Едва придя в себя, Том услышал гомерический хохот Виталия. Тот стоял над ним и казался великаном, так что Том даже не мог охватить его взглядом.

– Ну-ну. Все как заказывали. Самый натуральный баран, – услышал Том голос Виталия. – Посиди пока тут и пораскинь своими бараньими мозгами. А я через часок загляну и посмотрю, как ты заблещешь.

Том словно сквозь туман увидел, как удаляются ноги Виталия и его спутника. Он постоял на четвереньках, упершись головой в пол, затем попытался встать, но потерял равновесие и опрокинулся навзничь. «Неужели накачали наркотиками? – с ужасом подумал Том. – Что это – героин? Морфий? Какие еще бывают? Боже, до чего болит голова...»

Том вдруг услышал, как неожиданно громко заскрипели его зубы, когда он непроизвольно задвигал челюстями. Надо немедленно позвонить в полицию. И еще срочно заказать разговор с Оклендом. Мерзавец, каков мерзавец! Как эти русские меняются, когда начинают дрожать за свои деньги.

Стоп. Он придет через час. Том вдруг понял, что никогда, никогда в жизни больше не сможет встре-

титься с Виталием. Все его воспитание, весь его деловой опыт и заработанная годами репутация вдруг оказались в кричащем противоречии с той манерой, с тем тоном, которые позволил себе этот тип, так что он больше никогда не заставит себя подать ему руку.

Он потянулся за телефонной трубкой, но рука его не слушалась, и он чуть снова не завалился на бок. Он оглядел себя мутным взглядом и вообще не обнаружил никакой руки. Вместо нее висела какая-то лохматая култя с твердым обрубком на конце. У него зашевелились волосы на голове, и даже не только на голове, но и, как показалось, на спине. «Мне отрубили руки!» – поразила его мысль, и в панике он метнулся к двери.

Массивная деревянная дверь громко треснула от удара его головы. Том Лэмб даже почувствовал странное удовольствие от столкновения с дверью, какой-то необычайный прилив сил во всем теле. Так же, на четвереньках, он развернулся, отбежал вглубь комнаты и с разбега снова атаковал дверь. В двери образовалась дыра. Выбив головой остатки дерева, мистер Лэмб вылетел в коридор и оказался прямо перед лифтами.

Как раз в это время открылась дверь лифта, и Том ворвался внутрь, машинально бормоча слова извинения: «Сорри, ай’м сорри». Тут он услышал громкий женский визг и растерянный мужской голос: «Спокойствие! Надо сохранять спокойствие! Если его не пугать, то он нас не тронет». И тут же громкий детский крик: «Мама! Мама! Смотри, какой миленький! Можно мне его погладить?» И тут же еще громче: «Доча, не трогай! У него блохи! Он тебя укусит!» А затем громкий взволнованный бас: «Откуда здесь эта тварь? Это гостиница или зверинец?»

Том Лэмб почему-то не помещался в этом огромном лифте и, как ни крутился, все время попадал носом то в чьи-то колени, то вообще под юбку дамам, отчего чувствовал себя крайне неловко, и вновь бормотал свое «сорри, мэм, сорри, мэм». Один раз он столкнулся лицом к лицу с маленькой девочкой, чем вызвал у нее визг и хохот, и тогда она вдруг схватила его за уши и со всего размаху чмокнула мокрыми губами прямо в нос.

Тут лифт остановился, и вся толпа, прижимаясь к стенкам, задвигалась наружу, довольно грубо отпихивая Тома коленями. Том понимал, что своим вторжением принес некоторое неудобство окружающим, однако бесцеремонное поведение соседней показалось ему чрезмерно невежливым. В это время он услышал, как дамы и господа громко заголосили: «Охрана! Охрана! Скорее поймайте этого барана!»

Том почему-то сразу принял «барана» на свой счет, и ему показалось очень обидным, что уже второй раз за какие-нибудь полчаса пребывания в этой стране его обозвали бараном. Но когда из лифта выбежал последний пассажир, он действительно мельком увидел в зеркалах кабины какого-то барана. С виду чистопородный меринос. Странно, что до сих пор он его не заметил. Точнее, это отражение промелькнуло, уже когда Том выходил (или выползал из лифта на четвереньках?), и он даже развернулся обратно к лифту, чтобы внимательнее рассмотреть животное. Но в это время двери лифта закрылись.

Том был сильно взволнован стычкой с Виталием, его сердце отчаянно колотилось, и он попытался успокоиться. Повернувшись в сторону выхода, он увидел бегущего охранника и решил обратиться к нему за помощью. С криком «Сэр, вызовите полис! Полис!» Том Лэмб засеменил к нему, но тот повел себя странно: ухватил Тома руками за что-то торчащее у него где-то за ушами и попытался пригнуть его голову к полу. Том дернул головой, и охранник растянулся на полу, выронив рацию, а Том проехался по скользкой плитке несколько метров вперед.

Восстановив равновесие, Том развернулся и поспешил охраннику на помощь со словами «May I help you?». Тот только начал подниматься, но Том вновь поскользнулся на полу и нечаянно боднул его в зад. Охранник упал без движения. Потом нашарил рукой рацию и одним прыжком взлетел на прилавок газетного киоска. Том услышал, как тот передает по рации: «Животное в холле. Животное в холле в районе лифта, все сюда. Как поняли?» И тут же скрипучий ответ: «Какое животное-то?» «Баран, баран. Как слышно?» И ответ: «Слышу тебя хорошо. Баран в районе лифта. Сейчас подойдем». И новый собеседник: «А точно баран? Не крокодил?» И охранник: «Точно баран, не крокодил. Но он бешеный». И в ответ ленивое: «Не пугай, я тоже бешеный».

Полный недобрых предчувствий, Том поспешил к выходу. Нужно срочно разыскать менеджера отеля. Он понимал, что с ним не все в порядке, и сейчас требовался ответственный человек, облеченный властью в этом отеле, с которым возможен цивилизованный разговор, какая-то помощь, ну, и вообще весь сервис, полагающийся постояльцам в отелях подобного уровня.

Но едва он приблизился к лобби, как увидел двух бегущих охранников с резиновыми дубинками. Они бежали прямо на него, и что-то подсказало ему, что лучше с ними разминуться. Том сильно взял вправо, но успел схлопотать дубинкой по спине, так что все тело свело судорогой. Ничего не видя пе-

ред собой, Том ударился головой о витрину бутика и, осыпаясь тяжелыми осколками стекла, влетел в стойку с дамскими платьями и женским бельем. Развернувшись на полу, он сшиб пару манекенов и дверь примерочной кабины, насмерть перепугав полуодетую женщину, и бросился обратно в холл.

Ему сильно мешали бежать какие-то кружевные тряпки, прицепившиеся к ноге, и он вновь столкнулся с охранником, отправив того головой в нокаут. «Не я все это затеял, ребята», – мысленно оправдывался Том Лэмб. Но в это время один из охранников бросился на него сбоку, вывернул его голову, опрокинул на бок и придавил всем своим корпусом. Тут же подоспели другие охранники и принялись охаживать его дубинками, бить ногами в живот и в пах, кулаками по лицу.

Том почел за благо не сопротивляться и попытаться договориться.

– Господа, я есть иностранный подданный! – закричал он. – Это есть недоразумени! Хочу говорить с менеджер хотела! Хочу вызывать консул оф Нью-Зиланд! Хочу вызывать полис!

– Сука, еще орет чего-то, – сказал охранник, который его держал, и двинул его кулаком в нос. – Молчи, падла.

А другой охранник пнул Тома ногой в живот. Том обмяк и больше не шевелился. Потухшим взглядом он смотрел в отражение на полированной стене, где здоровенный охранник, как на родео, лежал сверху на баране и крепко держал его за рога.

Наряда милиции пришлось дожидаться томительно долго, минут пять или семь. Они с напускной ленцой вошли в холл гостиницы, но при этом несколько неуверенно озирались на окружающее их великолепие. Оба были молодые, один с лычками на погонах и с кобурой, другой без лычек, но с автоматом. Том Лэмб покорно стоял рядом с охранниками, которые придерживали его за рога на всякий случай, чтобы не вздумал сбежать. Том был подавлен, в первую очередь своим внешним обликом.

– Вот, говорит, что иностранный подданный, – объявил один из охранников. – Надо бы проверить личность.

– И с каких это пор у нас бараны разговаривают? – осведомился сержант.

– Да это не наш баран, это какой-то австралийский.

– Ай’м фром Нью-Зиланд, – осмелился вступить в разговор Том Лэмб. – Из Нови Зиландиа. Я приехать по бизнес, делать поставки баранина в Россию.

Сказал и сам понял, до чего глупо это прозвучало.

– Разберемся, – солидно ответил молодой человек с автоматом.

– Ну, и что мне с ним делать? – сказал сержант. – В зоопарк везти?

Тут подскочил охранник, который изловил Тома и бил его в нос.

– Ну, какой зоопарк, какой зоопарк? Ты чего? Пусть сначала за ущерб заплатит. Он одних витрин побил тут на сто тысяч баксов. Или на миллион. Если такой крутой иностранец, пускай бабки башляет.

– Откуда у барана бабки, ты че? – вновь вступил в беседу парень с автоматом.

– А документы у него есть? – спросил сержант. – А у хозяина его документы есть?

– Мое имя Том Лэмб, – сказал Том. – Я из номер шесть один два. Спросите у менеджер хотела.

– Да сиди ты. Тебя не спросили, – одернул его охранник, державший за правый рог.

Менеджер отеля уже отказал Тому в помощи, заявив, что не собирается вести переговоры с бараном. А Том уже успел смириться с тем, что его социальный статус серьезно понизился.

Сержант включил рацию.

– Старший сержант Пучков. Тут один баран витрины побил. Утверждает, что гражданин иностранного государства.

Рация помолчала и поскрипела, потом спросила: «Пьяный, что ли?»

– Да я его что, нюхал? – ответил сержант. – Но точно не в себе.

– Ну, так вези его в отделение.

– Так это ж баран!

– Сам ты баран. Вези в отделение.

– Е-есть везти в отделение, – вяло ответил сержант. – Блин, да нас там засмеют все. А ну пошли давай! Цоб-цобэ!

Он поддал Тому сапогом под зад.

– Эй, сержант, ты б ему наручники надел. Он здоров бодаться, скотина такая.

– Куда я ему наручники, на рога надену, что ли? – обернулся сержант.

Тома подвели к милицейскому джипу и довольно грубо закинули в зарешеченную заднюю дверь.

– С какой целью вы въехали на территорию Российской Федерации? – Дежурный капитан смотрел на Тома Лэмба пристальным, пронизательным взглядом.

– Деловая поездка, – ответил Том Лэмб. Он уже понял, что с этими людьми не стоит вдаваться в лишние детали.

Капитан мотнул головой и издал какой-то «х-ххех».

- Ну, а если начистоту?
- Я повторяю: моя цель – переговоры с деловые партнеры, подписаний контракт.
- А если в репу?
- Не понимаю. Сорри?
- Не понимаешь? Ты мне скажи: с кем же ты контракты подписывал – с такими же баранами, а? Слушай-ка, если ты такой умный, что договоры подписываешь, деловые переговоры ведешь, то должен понимать, что в милиции шутки плохи. Хочешь, я тебе устрою отдых по полной программе? Пожалеешь, что на свет родился!

- Сорри, я сказать правда. Ай`м бизнесмен, иностранный гражданин. Прошу вас обратиться в консульство Нови Зеландии.
- Бизнесмен, да?! Иностранец гражданин?! – вдруг вскипел капитан. – А что ж ты, сука, витрины бил?! Консула тебе подавай? Приедут, гады, накрутятся как свиньи и давай витрины бить, а потом за консула прячутся! А мы тут расхлебывай, да?!

- Это есть недоразумени. Ай`м сорри. Я обещаю платить пеналти. Но для этого мне должен встречать мой консул.

Капитан долго смотрел на сидящего в клетке гворящего барана. Потом вытер со лба пот рукавом и безнадежно махнул рукой.

- Ну, что ты с ним поделаешь... – сказал он усатому сержанту с автоматом.
- А что, товарищ капитан, может, правда позвонить в посольство? Может, они за него заплатят. Вдруг это и правда их баран? Может, они его ищут?

Капитан уставился молча в пол. Потом резко развернулся к клетке.

- Ну что, они за тебя заплатят? Ручаешься?
- Уверен, оффисер.

Капитан снова повернулся к сержанту и тихо пробормотал:

- Вообще, сумма-то немаленькая. Даже если пятьсот баксов накинута... Да не, тыщу минимум. Слышь ты, если не заплатят, я тебя в спецприемник отправлю, будешь там сортиры чистить до посинения... или что ты там делать умеешь. Сгниешь там, понял?
- Понял.
- Вот так бы сразу. А то деловые партнеры, деловые партнеры...

Капитан зашел в свою каморку и снял телефонную трубку. Через минуту Том слушал обрывки его разговора.

«Алло, плиз, консула мне. Или кого-нибудь... У нас тут ваш гражданин из Новой Гвинеи... Эй, откуда ты там? А, из Новой Зеландии. Он тут нахулиганил немножко. Ущерб нанес... Да... Да... Да нет, точно ваш товарищ. И лицо такое, и акцент чисто... ваш. Надо бы забрать его. Да, слушайте, только мы его отдадим, если вы ущерб компенсируете. Мы можем сделать скидку в рамках международных отношений, но... если договоримся, короче. В общем, поговорим тет на тет. Нет-нет, лучше сегодня, он вас так ждет. Жалко товарища. Ага. Ага. Нет-нет... Это точно ваш человек. То есть он не совсем человек... То есть я хотел сказать, что он совсем как человек, в смысле разговаривает и все такое, но внешне... будто устал сильно. Да... ну, там, рога у него, копыта, хвост. Ну, что вы мне голову морочите, я же при исполнении – приезжайте, сами увидите! Да, гуд бай».

Капитан бросил трубку и тяжело вздохнул. Потом обратился в сторону «обезьянника»:

- Ну, смотри, сука, если ты не из Новой Гвинеи – сгною!

Человек из посольства приехал через полчаса, представился вторым секретарем посольства Новой Зеландии. Это был благообразный господин средних лет, чем-то напоминавший актера Грегори Пека, с квадратным подбородком и пробивавшейся седой в волосах.

Он подошел к кабинке дежурного и о чем-то говорил с ним минут пять. Потом повернулся к клетке для задержанных, нацепил очки и, наклонив голову вбок, долго разглядывал Тома Лэмба сквозь решетку. Потом он неуверенно спросил:

- Do you speak English?
- Surely I do!* – воскликнул Том.

Чиновник отпрянул назад. Потом одернул полы пиджака и обернулся к капитану:

- Мы можем говорить наедине?
- Пожалуйста, у нас есть отличная камера для переговоров.

Автоматчик открыл дверь клетки, и Том последовал в камеру. Он старался идти аккуратно и не греметь копытами, чтобы произвести благоприятное впечатление на соотечественника своими манерами, и очень расстроился, когда слегка споткнулся на пороге камеры. «Еще подумает, что я пьян!» – ужаснулся он. Последний раз он так тщательно следил за своими движениями, когда поки-

* – Вы говорите по-английски?
– Конечно, говорю!

дал с женой party, посвященный окончанию финансового года Мясного союза.

Секретарь посольства присел на нарах, Том прилег на полу камеры, деликатно поджав под себя копыта. Дипломат некоторое время теребил себя за ухо, явно не зная, с чего начать разговор. Потом спросил:

– Is it your first visit to Russia? How do you like Moscow?*

Том мотнул головой и пожал плечами, то есть попытался изобразить пожатие плечами. На самом деле, его переполняли эмоции.

Чиновник еще помолчал. Потом спросил:

– Who are you?

– My name's Tom Lamb, I'm executive officer of the New Zealand Meat Union.

– Excuse me, what does it mean – lamb? Is it the last name, nickname or...

– It's my real name – Thomas Lamb!

– Hmmm... Please, don't get me wrong, but... For the Meat Union functioner... your appearance looks rather... alternative.

– Why? Oh, yea... I understand what you mean. But I want to ensure you I was a real man just one hour before... hmmm... I mean I was a real human being one hour before**.

Чиновник задумался. Потом спросил:

– Are you sure?

– Yes. You can check me in the New Zealand Meat Union, everybody knows me... O-oh, please don't do it!***

Том вдруг представил себе этот запрос посольства в Окленд: «Действительно ли меринос Том Лэмб, весом 70 кг и 90 см в холке, светло-серой масти, на вид восьмилеток – является ответственным менеджером вашей организации?»

– So what happened?

– I don't know. I think it's about of inappropriate behavior of my business partners.

* – Вы в первый раз в России? Как вам понравилась Москва?

** – Кто вы?

– Меня зовут Том Лэмб, я исполнительный менеджер Мясного союза Новой Зеландии

– Простите, что значит – лэмб? (англ. lamb – «барашек, ягненок»). Это фамилия, кличка или...

– Это мое настоящее имя – Томас Лэмб!

– Хм... Пожалуйста, не поймите меня неверно, но... Для чиновника Мясного союза вы выглядите несколько... альтернативно.

– Почему? А, да, понимаю... Но хочу вас заверить, что еще час назад я был настоящим мужчиной... э-э-э... Я имею в виду, что я был настоящим человеком всего час назад.

*** – Вы уверены?

– Да. Можете проверить меня в Мясном союзе Новой Зеландии, меня все знают... O-о, пожалуйста, не делайте этого!

– But why did you choose such a strange image?

– I didn't choose my image! I'm sure even in Russia it's an illegal practice to transform a man into a ram. And I want you to help me to transform me back into a man.

– Hmmm... You have to admit it's an unusual situation. Do you have an ID?

– Are you kidding? Have you ever seen a ram with an ID?

– A minute before you told me you're a man. Well... May be you have any tally or brand on your body?

– You jeer at me?!

– Sorry. You've just admitted you're a ram. O'kay. Don't be nervous. We're just exploring the situation.

– You can check my flight, my name's on the list.

– Well... It's not a deal. Let's imagine – you could look through the list of passengers, pick up the certain name and certain information and... I'm sorry but our country faces the problem of illegal immigration and...

– How can a ram look through the passenger's list?!

– But... you told you're a man...**** – Секретарь вяло развел руками.

Обоим стало ясно, что разговор заходит в тупик.

– Please, could you bring me to the embassy and do the proper measures on transforming me into a proper creature?

– Hmmm... I'm afraid we have no proper facilities for sheep and we have no proper food for sheep...

**** — Так что произошло?

– Я не знаю. Думаю, это связано с неприемлемым поведением моих деловых партнеров.

– Но почему вы выбрали такой странный образ?

– Я не выбирал никакой образ! Я уверен, что даже в России это противозаконная практика – превращать человека в барана! И я хочу, чтобы вы помогли мне превратиться обратно в человека.

– Мм... Согласитесь, это необычная ситуация. У вас есть удостоверение личности?

– Вы смеетесь? Где вы видели барана с удостоверением личности?

– Минуту назад вы сказали, что вы человек. Ладно... Может, какая-то бирка или клеймо на теле?

– Вы издеваетесь?

– Извините. Вы только что согласились, что вы баран. O'кей. Не нервничайте. Мы просто изучаем ситуацию.

– Вы можете проверить мой рейс, мое имя есть в списке пассажиров.

– Мм... Не годится. Только представьте – вы могли бы просмотреть список пассажиров, выбрать определенное имя, определенную информацию, и... Вы извините, но наша страна сталкивается с проблемой нелегальной иммиграции и...

– Как баран может просмотреть список пассажиров?!

– Ну... Вы же сказали, что вы человек...

What's your address in New Zealand?*

Том назвал свой адрес в Окленде.

- Do you have family? Kids?
- Yea, my daughter graduates from the college this year.
- Is she a lamb as well? Or is she a human being?
- Of course she is Lamb! Shit... Of course she is a human being! Her name is Dorothy Lamb, sir.
- Please, the telephone number of the college**.

В этот момент Тому пришло в голову, что вопросы секретаря выходят за рамки дозволенного. Он представил, что будет, когда в школе его дочери узнают, что ее папа находится в качестве барана в полицейском участке в России. Ее заключут. Да и жена, скорее всего, не одобрит его перевоплощения. Она вообще довольно консервативна в своих взглядах.

- Forget it. It's too much.
- Why?
- I won't tell you anything more.
- Look. You've demonstrated the risky performance in the hotel. In fact, you've scored the criminal record in this country.
- Fuck this country!
- Look. You're in trouble. You need my help – I need your cooperation.
- Fuck you!
- I'm sorry. I have to call the Ministry of Foreign Affairs and Trade. Please wait for the decision.
- Fuck the Ministry!
- Well... Can you get into contact with your Russian business partners? Let them take care of you. And give me a call tomorrow***.

* – Вы не могли бы отвезти меня в посольство и принять соответствующие меры по превращению меня в соответствующее существо?

– Э-э-э... Боюсь, у нас нет соответствующих условий для овец и у нас нет соответствующей еды для овец... Ваш адрес в Новой Зеландии?

** – У вас есть семья? Дети?

– Да, моя дочь заканчивает колледж в этом году.

– Она тоже овца? Или она человек?

– Конечно, ее фамилия Лэмб! Черт... Конечно, она человек! Ее зовут Дороти Лэмб, сэр.

– Телефон колледжа, пожалуйста.

*** – Все, забудьте. Это уж слишком.

– Послушайте, вы очень рискованно выступили в отеле.

Фактически вы заработали криминальный послужной список в этой стране.

– В жопу эту страну!

– Послушайте. Вы в беде. Вам нужна моя помощь – мне нужно ваше содействие.

– В жопу вас!

– Прошу прощения. Мне нужно позвонить в Министерство иностранных дел и торговли. Дождитесь решения, пожалуйста.

– В жопу министерство!

– Так... Вы можете связаться с вашими российскими партнерами? Пусть они о вас позаботятся. А вы мне завтра позвоните.

Когда Том Лэмб вернулся в клетку, там сидел еще один задержанный, по виду кавказец. У него было сильно разбито лицо.

– Ну что, иностранец, не признали тебя? – крикнул из своей кабинки капитан. – Ладно, отправим тебя на мясокомбинат.

Том похолодел: на завтра у него назначена встреча на мясокомбинате! А сегодня его ждут на ужине... И, кстати, вполне может получиться так, что его новые партнеры получат на ужин именно его, Тома Лэмба, шипящего, на вертеле, с картофелем и зеленью, с кетчупом... А потом будут удивляться, куда это запропастился этот новозеландец и кто же будет с ними подписывать контракт.

– Оффисер, ви надо позвонить мой русский бизнес-партнер! Они точно будет башлять. Ви находить их по справочник.

Сосед-кавказец ткнул Тома в бок.

– А ты, в натуре, и по-английски шпрехаешь?

Том брезгливо отодвинулся.

Коля оказался самым чувствительным из всех русских, каких видел Том. Когда его подвели к клетке, он сказал:

– Но это же не он! Тот был блондин с короткой стрижкой, а этот туркмен какой-то... И потом, почему у него разбито лицо? Что вы с ним сделали?

Капитан сказал:

– Ты на кого смотришь? Ты на барана смотри. Узнаешь своего делового партнера?

Том решил помочь.

– Хай, Коля. Это я, Том. Я сильно изменился.

Коля уставился на барана. Потом упал в обморок. Когда пришел в себя, достал телефон и стал сбивчиво объяснять ситуацию кому-то из руководства. Рассказал все как есть: про то, что их новый деловой партнер оказался настоящим бараном, хотя еще в аэропорту не давал даже повода заподозрить такое, и не просто бараном, а бараном-нарушителем, который устроил дебош в отеле и теперь сидит в кутузке, и за него требуют выкуп. Все это ему пришлось повторить несколько раз, многократно заверив собеседника, что он не пил сегодня и не сошел с ума.

Под конец разговора он поднес телефон к морде Тома, и Том лично подтвердил, что как ни грустно, но все сказанное действительно является правдой. Он также счел нужным добавить, что все вышеизложенное произошло без его, Тома, умысла, а стало следствием недобросовестной конкуренции и неправомерных действий старого делового партнера.

Рассказал все как есть: про то, что их новый деловой партнер оказался настоящим бараном, хотя еще в аэропорту не давал даже повода заподозрить такое, и не просто бараном, а бараном-нарушителем.

Закончив разговор, Коля обернулся к Тому и улыбнулся вымученной улыбкой.

– Все в порядке, мистер Лэмб. Сейчас мы едем в наш офис, только уладим некоторые формальности. Простите, что бросили вас на произвол судьбы. Все, что произошло, – наша вина. Но мы все исправим. Очень не хотелось бы, чтобы у вас создалось превратное представление о нашей стране и, в частности, о нашей компании. Вы, наверное, проголодались? Сейчас подадут лимузин.

– Поставки CIF в порт Санкт-Петербург в течении два месяц от подписани контракт, – устало излагал мистер Лэмб своим собеседникам. – Оплата в соответствии наш прайс-лист на аккредитив с отсрочкой платежа 60 дней.

– Я так понимаю, мясо глубокой заморозки? Что с охлажденкой? – спросил генеральный директор Руслан (он сразу предложил Тому называть его запросто Рус).

– Охлажденка вам невыгоден, очень дорого будет, потому что самолет, и потом российски квоты слишком маленьки на охлажденка, – ответил Том. – У нас замороженный... э-э-э... замороженный мяско высочайшего качества, потому что первое – экологически чистое питание и второе – новейшие технологии откорм, забой, хранения и доставка. Для нас важен поддержаний объем сэйлс. Если есть сэйлс – ноу проблем, ви остаетесь дистрибьютор.

– Устраивает. Объемы гарантирую. Ну, что ж, господа, по рукам? – сказал Рус и занес руку, но тут

же смущенно поболтал ею в воздухе и сам пожал ее своей другой рукой.

Торжественный ужин в ресторане пришлось заменить на скромный перекус в кабинете гендиректора. Мистеру Лэмбу удалось прожевать лишь бутерброд с черной икрой, от которого его чуть не стошнило. От шампанского он отказался.

Новые партнеры с пониманием отнеслись к той непростой ситуации, в которой очутился Том. Когда всем стало ясно, что это не розыгрыш и перед ними отнюдь не дрессированный баран из цирка, а самый настоящий новозеландский партнер по бизнесу, руководство компании без тени юмора отреагировало на эту новость. «Я хорошо знаю Виталия и его компанию. Он недобросовестный бизнесмен, и от его людей можно ожидать чего угодно», – мрачно проговорил Руслан.

Уладив принципиальные вопросы по организации поставок, решили приступить к разрешению проблемы с его, Тома Лэмба, превращением. Для этого гендиректор созвал экстренное совещание с участием юриста, начальника службы безопасности, а также Коли, который оказался директором по маркетингу и пиару.

Том с удовлетворением отметил, что его новые партнеры производят впечатление энергичных и весьма эффективных менеджеров, проявивших способность к анализу, принятию грамотных решений в сложной ситуации и работе под прессингом.

Для начала Руслан предложил всем присутствующим высказаться. Первым слово взял Коля. Он расчленил проблему на две составляющие – имиджевую и функциональную.

– С точки зрения имиджа – как для нашей, так и для вашей организации – мы способны минимизировать ущерб, – сказал он, обращаясь к Тому. – Поскольку мясокомбинат, который мы поедем завтра смотреть, с недавних пор является нашим аффилированным предприятием, то можно быть уверенными, что информация о вашем превращении не выйдет за пределы нашей компании. Конечно, в любом случае просочатся слухи о том, что наш партнер, так сказать, якобы... баран, но мы всегда сможем объяснить это тем, что вы – то есть вы в вашем нынешнем обличье – всего лишь образец новозеландской продукции. Поэтому завтра предстоит заготовить два соответствующих пресс-релиза – один для СМИ и деловых партнеров, другой – для собственного персонала. Вторая часть проблемы существенно сложнее, – продолжал Коля, – и требует принятия неотложных мер. Необходимо в кратчайшие сроки совершить

превращение мистера Лэмба обратно в его прежнее состояние, с тем чтобы стало возможным подписание контракта в намеченный срок.

– Я готов подписывать контракт хоть сейчас, – взял слово Том.

– Да, но у вас нету пальцев, – заметил Коля.

Все задумались. Гендиректор спросил:

– Возможно ли подписание контракта другим человеком со слов нашего новозеландского друга? Скажем, по нотариально заверенной доверенности? Что об этом думает наш юрист?

Юрист Евгений задумчиво покачал головой.

– В этом случае опять же должна быть его подпись на доверенности. Хотя если вы привезли с собой доверенность на право подписания контракта, можно попробовать заверить контракт подписью другого лица с приложением копии вашей доверенности. Скажем, ввиду вашей временной недееспособности. Но, опять же, необходимо тщательно исследовать вопрос, может ли третье лицо потребовать в судебном порядке признания такого контракта ничтожным на том основании, что лицо, с чьих слов контракт был подписан, является бараном... Боюсь, что данная ситуация недостаточно четко прописана в Гражданском кодексе.

– Господа, в любом случае необходимо в максимально сжатые сроки принять меры к контрпревращению, – произнес Руслан. – Николай, займитесь этой проблемой в тесном контакте со службой безопасности. Даю вам сутки. У вас есть полномочия привлекать к задаче любые необходимые службы компании.

Коля выхватил мобильный телефон.

– Леночка. Срочно вызвать на работу группу программистов. Срочно в офис весь департамент маркетинга. Да, в полном составе! Срочно... терапевта с диагностическим оборудованием. Да-да, терапевта! Плюс... ветеринара. Терапевту провести диагностическое обследование пациента. В том смысле, чтобы выяснил, в какой степени пациент является человеком, и в какой степени... мм, животным. Не важно каким, твое дело записывать. Если пациент окажется в большей степени бараном, то ветеринару установить какой породы, ну, и там на наличие инфекций... Так. Программистам скачать все базы данных о магах, колдунах, ведьмаках, жрецах Вуду и прочих экстрасенсах. Моим людям пропылесосить все маркетинговые исследования по рынку оккультных услуг. Срок – до утра! В 10:00 жду отчет объемом две печатные страницы. Вперед!

Том Лэмб, хотя и придерживался всегда принципов социальной толерантности, однако сейчас порадовался, что в российских частных компаниях на дух нет никаких профсоюзов.

– Теперь о ваших людях, Александр Иванович, – обратился гендиректор Руслан к начальнику службы безопасности. – На вас ложится самая трудная работа. Я имею в виду взаимодействие с правоохранительными органами.

– Руслан Раимкулович, сразу хочу предостеречь от любых контактов с силовыми органами и особенно со спецслужбами. Полиция не поможет нам точно, только будут совать свой нос куда не следует. Что касается ФСБ... В бытность мою сотрудником этой организации мне пришлось слышать об исследованиях в области превращения людей в баранов. И не сомневаюсь, что в соответствующем отделе сохранились вполне продвинутые наработки в этой области. Однако я подозреваю, что лучшие специалисты по этой теме давно перешли в коммерческие структуры. А главное, попади хоть малейшая информация о данном происшествии к сотрудникам спецслужб, они не преминут ее использовать для шантажа нашего клиента. Скажем, в целях вербовки. В этом же смысле, мистер Лэмб, я хочу предостеречь вас от дальнейших контактов с представителями вашего посольства. Я предполагаю, что секретарь посольства, с которым вы встречались, работает в тесном контакте со спецслужбами вашей страны. И, возможно, даже успел сделать ваши фотографии скрытой камерой. Это может иметь негативные последствия для вашей карьеры и репутации.

– Постойте, Александр Иванович, – прервал его Руслан. – Мне кажется, вы преувеличиваете. Когда наш друг придет в свое обычное состояние, никто не сможет установить его сходства с... скажем так, с бараном.

– Мм. Вы недооцениваете спецслужбы. Есть специалисты, способные установить даже внешнее сходство, скажем, по линии рта, надбровным дугам, расположению ушей, разлету ноздрей и тому подобным характеристикам. Если подробный анализ появится в нашей или, того хуже, в новозеландской прессе, нашему другу не позавидуешь. Кроме того, не забывайте про генетический анализ. Если сотрудник посольства успел подобрать фрагмент шерсти нашего уважаемого партнера, то в дальнейшем мистера Лэмба может ожидать унижительная процедура сдачи генети-

ческого анализа. Хуже всего то, что в результате всех этих действий нашему другу так никогда и не удастся убедительно доказать, кто он на самом деле – человек или баран.

- Что вы предлагаете?
- Самый эффективный способ, на мой взгляд, – выйти на контакт с тем проходимцем, который совершил превращение, и вынудить его совершить контрпревращение. Правда, это потребует сложной и весьма рискованной спецоперации. У нас есть для этого свои методы, и я могу выйти на соответствующих людей. Однако это потребует определенного финансирования. Если вы готовы к затратам, я начну принимать необходимые меры уже сегодня ночью.

Руслан задумался.

- С трудом представляю себе спецоперацию против человека, владеющего методами магии. Вы не боитесь, что в результате такой спецоперации мы получим целое стадо баранов?
- Как я уже сказал, риск есть. Но в принципе, и не с такими справлялись. Остается лишь взвесить степень риска, соотнести ее с реальной необходимостью и принять решение. Успех гарантирован в том случае, если удастся застать объект врасплох. Скажем, оглушить и обездвижить. Еще лучше взять в заложники родственников. Посулить вознаграждение, наконец...
- Что-нибудь известно об этом долбаном фокуснике?

Александр Иванович достал из кармана пиджака стопку фотографий.

- Валентин Вислопузов, 36 лет, ветеран афганской кампании. Провел два года в плену. За это время овладел приемами восточной магии, еврейской каббалы, а также аэробикой по телекурсам Джейн Фонды. IQ на уровне имбецила. Разведен. По возвращении из плена работал наемным убийцей, в настоящее время – директор по корпоративному развитию компании-конкурента. Крайне опасен.

Руслан Раимкулович сцепил ладони и опустил на них подбородок.

- Приступайте к спецоперации, Александр Иванович. Только действуйте наверняка.

Утром Том Лэмб элегантно выпрыгнул из лимузина и огляделся. Он уже освоился с движениями и не чувствовал дискомфорта, когда забирался или выбирался из машины.

На ступенях центральной проходной ждала целая делегация. Первой подскочила девушка в ко-

лошнике, она принесла хлеб-соль. Персонал, видимо, уже подготовили, потому что девушка с очень серьезным, хотя и пунцовым от смущения лицом поклонилась ему и сделала отмашку рукой. Лишь когда уходила, Том увидел, как она прыснула в кулачок.

Потом к нему подошел высокий толстый мужчина, с таким же красным лицом, как у той девушки, и, держа руки по швам, представился:

- Директор комбината Иван Георгиевич Шаблин. Добро пожаловать на наше предприятие. Очень, очень рады вас видеть.

Том в сопровождении Руслана, Коли и еще двух представителей компании проследовал на мясокомбинат. Прошли административный корпус, затем через заводской двор в убойный цех.

- Вот, прошу любить и жаловать, убойный цех, – обвел рукой Иван Георгиевич. – Технологии, конечно, немного староваты. Вы-то, разумеется, видели и посовременнее... Извините, мы вчера, готовясь к вашему приезду, тут хорошенько прибрались, но, сами понимаете, специфика производства...

Директор комбината попытался стереть подошвой засохшее пятно крови почти перед самой мордой Тома.

Перед ними вдоль стены проплывали подвешенные за ноги к движущейся цепи бараны, оглушенные электрошоком. Примерно в середине пути их поджидала женщина в окровавленном фартуке и резиновых перчатках, которая длинным острым ножом протыкала горло каждому барану. Из горла бурно начинала хлестать кровь, которая стекала по желобу где-то в дальнем конце помещения. В какой-то момент Том краем глаза заметил шевеление в той стороне и увидел, как еще одна немолодая женщина подошла к желобу с расписной чашечкой, набрала из-под слива свежую кровь и принялась пить.

- Через час должны подвезти партию коров, – продолжил экскурсию Иван Георгиевич. – Мы ведь в основном работаем с говядиной. Процентом примерно семьдесят пять от общего объема, остальное приходится на свинину... Баранины, к сожалению, получаем очень мало. Но мы будем эту ситуацию исправлять. Планируем рост по субпродуктам – почки, печень, язык, сердце, уши, семенники... Ну, я дам вам позже подробные цифры и данные, какие захотите узнать. Наша компания открытая, прозрачная. Надеемся, – он повернулся с улыбкой к Руслану, – на новых современных собственников и менеджеров.

Они перешли в другой цех. Здесь тех же самых баранов ошкуривали прямо на весу и затем в освеще-

жеванном виде подавали в следующий цех. Несколько мужчин привычными движениями располосовывали туши в определенных местах в самом начале конвейера, так что к середине пути баран как бы выпрастывался из своей шкуры, словно младенец из пеленки, – баран отдельно, шкура волочилась отдельно, только лишь зацепившись за морду. Там, в середине конвейера, стоял еще один работник, который небрежным рывком сдирал шкуру с морды и сбрасывал ее вниз, в специальную шахту.

– Тут у нас тоже есть проблемы, с которыми необходимо работать, – заметил Иван Георгиевич. – Производство шкур крайне нерентабельно. Как и все вторсырье вообще. Технологии утилизации вторсырья пока у нас слабые, спрос невелик. А со шкурами вся проблема в выделке, как с коровьими, так и с бараньими – взаимодействие с коженными производствами оставляет желать лучшего, наши шкуры приходят туда часто порченными, поеденными мухами... Сейчас спустимся в шкурный цех.

Они стояли в самом конце конвейера, и освеженные туши двигались в их сторону. И тут один ошкуренный баран, до этого покорно висевший, как и его собратья, вниз головой, вдруг конвульсивно дернулся, уставился на Тома своей окровавленной мордой и словно бы удивленно шевельнул глазом. Тому показалось, что баран пытался ему подмигнуть.

Баран проплывал мимо Тома, мучительно изгибая голову в его сторону по мере удаления, словно больной церебральным параличом, и Том мог тщательно рассмотреть его тонкие красные мышцы на ребрах и костях конечностей, из которых сочилась кровь, синеватые широкие связки и желтоватые сухожилия. Возле выхода в соседний цех конвейер резко дернул и с шумом вышвырнул любопытного барана наружу сквозь широкие ленты резиновой занавески. Том знал, как долго может оставаться живой уже освежеванная и плохо оглушенная скотина, но этот обмен взглядами произвел на него гнетущее впечатление.

В шкурный цех пришлось спускаться по узкой и крутой металлической лестнице, поэтому Руслан и Иван Георгиевич были вынуждены поддерживать Тома за холку, поминутно принося любезные извинения за фамильярность. В момент, когда директор Шаблин рассказывал о том, что они делают со шкурами и как намерены улучшить технологии выделки, сверху через прямоугольную трубу прямо рядом с Томом с грохотом свалилась тяжелая шкура, и Том от неожиданности метнулся в сторону, чуть не сбив, как кегли, всю делегацию. Теперь уже ему пришлось

извиняться, а хозяевам – его успокаивать. Вернувшись наверх, он заставил себя пригубить шампанское в знак всеобщей дружбы и сотрудничества, после чего почувствовал себя плохо. Сильно хотелось сена или хотя бы морковки.

Пытаясь не выдать расстройтва желудка, Том согласился на экскурсию по городу в сопровождении профессионального экскурсовода. Подъехал огромный Chevrolet Tahoe с бугельной решеткой, и Руслан пригласил Тома: «Присаживайтесь в джип». Том еще с прошлого визита знал, что русские почему-то очень уважают фермерские грузовички, гораздо больше, чем дорогие мерседесы, да еще специально навешивают на передок жесткий бампер из труб, который в австралийских саваннах используют для защиты от перебегающих дорогу кенгуру. Забавно, что эти *roo bars* здесь так и называют в буквальном переводе – «кенгурятники». Таким образом, сделал вывод Том, по рабочим делам тут ездят в лимузине, а вот выезжать в свет принято на более престижных внедорожниках.

Том разместился на просторном заднем сиденье-диване между Русланом и Ивана Георгиевичем, а рядом с водителем сидел гид и рассказывал о пронесившихся мимо районах и памятниках архитектуры. С особым трепетом и вниманием была исследована Остоженка и примыкающие улицы «золотой мили». Но сильнее достопримечательностей Тома поразила сама поездка, вернее, езда. Водитель по имени Серега (так к нему обращался Руслан) был, похоже, бывалый малый и к тому же очень смелый. Он решительно обгонял пробки по встречной полосе, прижимая к обочине мчавшиеся навстречу автомобили, пролетал на красный свет, но больше всего Том испугался, когда Серега остановился, поджидая догонявший их и отчаянно сигналивший другой такой же джип. Тот подъехал вплотирку, на пассажирской двери опустилось стекло, и пассажир с лицом кинозлодея стал что-то говорить, лениво и презрительно растягивая слова, – и в этот момент Серега так же лениво достал откуда-то из-под сиденья автомат со складным прикладом и приставил прямо ко лбу злодею: «Вопросы?» Пассажир опешил, помолчал, потом уважительно покачал головой и поднял стекло.

Том заподозрил, что водитель их автомобиля совершил нечто не совсем законное, и задумался, не попадет ли он в историю с такими спутниками, если вдруг обиженные пассажиры джипа захотят пожаловаться местным полисменам и те остановят их машину для проверки. И тогда вдобавок к дебошу в отеле барана из далекой Новой Зеландии

смогут привлечь еще и по более тяжелой статье, вроде бандитизма, или разбоя, или участия в организованной преступной группе, да еще с хранением и применением огнестрельного оружия. И тогда ему точно будет очень сложно объясняться с сотрудниками посольства и уж тем более с руководством Мясного союза, которым придет бумага, да еще с его фото, сделанным в полицейском участке в профиль и анфас... С рогами! Oh, my God!..

Но он несколько успокоился, когда на одном из перекрестков Серегу попытались остановить полисмены, а он только включил какую-то противную сирену и со смехом направил машину прямо на них, заставив броситься врассыпную. «Видимо, он имеет на это законное право», – подумал Том. It's Russia, baby! И ощутил какое-то благоговение оттого, что находится в машине с такими уверенными и сильными людьми.

Руслан словно прочитал его мысли и снисходительно усмехнулся:

– Серега вообще-то в органах работает, не переживайте...

В Кремль их, правда, не пустили. На Красной площади, пока смотрели смену караула у Мавзолея, дважды подходили милиционеры и требовали «увести животное». Том скромно помалкивал, а его сопровождающие любезно обещали скоро уйти и незаметно подсовывали им стодолларовые купюры. Вернулись на большую улицу, где был припаркован на тротуаре их «автобус». Экскурсовод, тоже сильно перепуганный лихой ездой Сереги, вновь подал слабый голос, предлагая полюбоваться на Большой театр, на отель «Метрополь» справа и на гастроном «Седьмой континент» слева от них. Руслан снисходительно заметил: «Ну, нашего гостя супермаркетами не удивишь, у вас ведь, наверное, есть не хуже, верно, мистер Лэмб?», на что Том неопределенно мотнул головой. А Иван Георгиевич вдруг засопел и сказал: «Честно говоря, очень не люблю я этот магазин. Козлы они там какие-то...»

– А че так? – спросил Руслан.

– Да... – Иван Георгиевич обиженно помялся. – Они мою жену туда не пустили. Не прошла фейс-контроль или дресс-код, не знаю, как там у них называется...

Руслан сокрушенно покачал головой, а Серега сочувственно поддержал:

– Вот суки, а! Но охрана у них и правда отморозенная. То ли подольские, то ли солнцевские...

И в этот момент Том уловил пьянящий, манящий, волнующий запах. Он покрутил головой и увидел диковинную картину: в их сторону, смешно семе-

ня ногами, бежала пожилая женщина, обнимавшая ведро с цветами, обмотанными бумагой от холода, а за ней быстрым шагом направлялись двое молодых полицейских. Тело Тома охватила дрожь, и он вскричал: «Рус, что это?!» Тот оглянулся и небрежно бросил: «А, менты бабок гоняют, сейчас цветы отберут. Оболтусы, лучше бы бандитов ловили». Том чувствовал стыд и волнение, но терпению его наступил предел: «А можно... Э-э, очень нужно...купить эти цветы». Спутники озадаченно уставились на него. Первым отреагировал Серега: «Раз нужно, значит – сделаем!» – и решительно направился к женщине с цветами, доставая деньги из кармана. Сунул пригоршню денег ей в карман пальто и забрал ведро с цветами. А когда полисмены его догнали с возмущенными криками, также осчастливил их деньгами. Едва он поставил ведро перед Томом, тот ринулся вперед и моментально сожрал цветы вместе с бумагой. Понимая, как дико и отвратительно он выглядит.

– Мать честная, проголодался-то как, беденький! – запричитала ошавевшая женщина.

– Во дает, – сказал один милиционер. – А где разрешение на животное? Кто хозяин?

– Ты иди давай, – ответил Серега. – Иди к своему хозяину.

«Да, этот эпизод сильно роняет мою деловую репутацию, – думал Том Лэмб, пока Рус пытался аккуратно вытащить у него из пасти кусок трепыхавшейся на ветру бумаги. – Да и плевать! Они еще и кашки будут за мной собирать, лишь бы контракт подписать». Первый раз в Москве он испытал настоящее блаженство. И чувство некоторой сытости от истинно вкусной еды.

От посещения Парка Победы и Воробьевых гор решили воздержаться. Вернулись в офис компании. Руслан с Иваном Георгиевичем проводили Тома в подвал, где оказалась комната с роскошной обстановкой – кожаные кресла и диван, ковры на полу и стенах, накрытый стол в духе Людовика XIV, плазменный телевизор на стене и дорогая аудиосистема. Душный и ароматный запах дерева подтвердили опасение Тома – это была сауна. Ему предложили устраиваться, расслабиться и пообещали, что «скоро ему составят компанию».

Как только Том остался один, его сразу стало клонить в сон. Поначалу он прислонился к дивану и стал дремать стоя. Потом поджал передние ноги под себя и уснул в положении ничком. А потом, наплевав на приличия, повалился набок на ковер, вытянув ноги полностью.

Проснулся он от звонкого веселого возгласа:

– Ой! А кто это у нас такой сла-аденький? Кто такой пушистенький-мохна-астенький?

Том тревожно приоткрыл глаза и увидел нечто в перьях и бусах, с длинными голыми ногами.

– Скучаешь, малыш? Не против, если составлю компанию?

Том неловко перевернулся на живот, подобрав под себя копыта.

– Здравствуйте... Присаживайтесь... Извините, что я лежу, – пробормотал он.

– Ничего, если я рядышком присяду? – сказала девушка и уселась рядом на ковер, вытянув ноги и прислонившись спиной к дивану. – А ты симпатичный... Давно в Москве?

Том помотал головой.

– Мне сказали, что ты умеешь разговаривать, – игриво сказала девушка. – И что ты – важная шишка из заграницы!

Том грустно кивнул.

– Надо же, как здорово. У меня никогда еще не было... Ну, то есть я никогда еще не общалась до этого с... э-э-э... с такими собеседниками!

– Да... повезло... вам, – пробормотал Том, стараясь быть учтивым.

– А ты в цирке работаешь?

– Нэуп, – помотал головой Том.

Девушка заглянула ему в глаза в надежде на продолжение, но не дождалась подробностей, и в воздухе повисла неловкая пауза.

– Меня зовут Злата! Правда, красивое имя? Видишь, у меня и волосы золотистые... А тебя как зовут?

– Май нейм'с Том.

– Том? Хорошее имя. Как Том Круз. Тебе нравится Том Круз? Я обожаю! Ты видел его в «Широко закрытых глазах»? А я тебе нравлюсь?

– Да, конечно, – ответил Том, отводя глаза в сторону от ее аппетитных ножек, протянувшихся у него перед носом.

– И ты мне. Ты мой медвежонок! – Она несмело провела рукой по его голове между рогами, потом обратно, прикоснувшись мизинцем к его рогу.

– Ноу, я не медвежонок, ай'м баран. Но это не всегда было так...

– Хочешь поговорить об этом?

– Нэуп.

Помолчали, потом девушка вновь попыталась наладить беседу.

– Ты грустишь оттого, что ты баран? – Она убедительно выкатила глаза. – Не смей об этом сожалеть! Будь самим собой! Нужно верить в себя! Если ты баран, то и гордись этим! Я так считаю. А если

Первый раз в Москве он испытал настоящее блаженство. И чувство некоторой сытости от истинно вкусной еды.

ты даже и баран – но в душе ты, может, медведь! Или даже лев! И не обращай внимание на дураков, которые считают, что ты баран! И я тебе так скажу, между нами – многие люди хуже, чем бараны... Уж поверь мне, я знаю, что говорю. Я опытная.

Том промолчал.

Она приподняла его морду и подвинулась так, что он уткнулся носом в ее бедро. Она обхватила пальчиками его рога и нежно стала водить обеими руками. Он закрыл глаза.

– Ты можешь делать со мной все, что захочешь... Забодай меня...

Том чувствовал нестерпимый стыд, ему даже показалось, что он покраснел, как рак, от неловкости ситуации.

– Форри, – пробубнил он, задыхаясь от того, что губы и нос были прижаты к ее упругому бедру. – Но я не могу... Я не свободен... Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Она озадаченно помолчала, потом спросила ласково:

– У тебя есть овечка?

– Э-э-э... Да, я женат.

– И ягнятки есть?

Том кивнул.

– Какая прелесть! Ягнятки такие милые!

– Видишь ли, – сказал Том, не зная, как лучше объяснить. – Моя жена и моя дочка – они не овечки, они люди...

– А-а, – понимающим тоном сказала Злата. – Но вот видишь, она же тебя полюбила... Значит, нашла в тебе что-то... особенное, – и добавила игриво: – И я ее понимаю!

Она потрепала Тома за холку и прижалась щекой к его морде. Потом задумалась.

– А... погоди. А дочка – овечка или?..

– Нет-нет!

– Метиска? Ну, то есть смешанная?

– Нет! Нет!

– А как зовут твою дочку?

– Долли, – ответил Том и с ужасом осознал, как глупо звучат его ответы.

– А... вот как... Долли. Так ведь Долли я знаю, – задумчиво сказала Злата. – Но ведь Долли – овечка?

– Нет-нет, Долли мы ее в шутку зовем, – в отчаянии сказал Том, после чего понял, что нужно рассказать всю правду с самого начала, иначе он выглядит лжецом, причем очень неубедительным, а для него это было самое невыносимое в жизни – даже просто допустить саму возможность, что кто-то сможет усомниться в его честности.

– Послушай, я расскажу тебе с начала. Я прилетать в Москву по бизнес. Делять поставки баранины из Нови Зиланди. С моей родины...

– Так ты из Новой Зеландии? Ух ты, здорово! Я видела в школе на карте, это в Австралии?

– Не очень близко, но почти.

– Так вот оно что! Верно! В Новой Зеландии овец разводят, я знаю. Но... я не знала, что они еще и разговаривают. Наверное, поэтому ваша баранина стоит так дорого. То-то я смотрю, у тебя такой акцент сильно выраженный...

– Ну, ну, они не разговаривают...

– Но, знаешь, – сказала она вдумчиво, – вообще это очень хорошо и правильно, что интересы овец... ну, то есть, что интересы ваших собратьев, э-э-э, представляет, э-э-э, сам представитель этого, э-э-э... вашего сообщества. Комьюнити – так называется? Или профсоюз – как правильно? Кто же лучше тебя знает нужды и чаяния, э-э-э... твоих коллег, правильно? – Она задумчиво нахмурила лоб. – Вот ты приехал сюда, ты знаешь, о чем и как вести переговоры, чтобы защитить интересы твоих друзей, ну, чтобы их тут не обидели. Я правильно понимаю? Ну, то есть, их тут и так не обидят, у нас люди хорошие, гостеприимные, но мало ли что, верно ведь? – Она подумала и с воодушевлением продолжила: – Ведь это же и есть представительная демократия, так ведь? Когда представитель представляет интересы! Потому что он компетентен в вопросах! А то у нас вот... У меня на работе хостес – а я в элитном клубе работаю, для джентльменов, очень богатые клиенты у нас... Так вот, эта хостес – ну овца полная! Ой, прости-прости, я хотела сказать – просто дура некомпетентная. Вечно отпускает колкости на кастинге – то у этой жопа отвислая, у другой – сиськи не такие, третьей велит жрать поменьше. А сама – ну страшная вот реально! И у самой ни кожи ни рожи... Некомпетентности и непонимание полное.

Нет у нас демократии пока еще, – вздохнула она. – Это ведь неправильно, согласись.

– Да, наверное, – сказал Том.

– И знаешь, я очень уважаю тебя за то, что ты помнишь о своей семье. Даже вот тут, сидя со мной в сауне, ведешь себя... корректно. А то мужики часто в командировках ведут себя как козлы. Ой, прости-прости! Не по-джентльменски, я имею в виду. Только вырвались на волю – и давай по бабам... Да еще и грубить начнут. Я их понимаю, конечно, и мне грех жаловаться, они же мне деньги платят. Но вот ты не такой.

– Э-э-э... Я скажаль, я приехать в командировку... на переговоры. И я не знаю, как это вышло...

– Слушай, а можно интимный вопрос?

– Какой?

– А тебе вот какие женщины больше нравятся? Овечки или... человеческие женщины?

– А-а... Ты не понималь...

– Ну вот я, например... Я хорошая?

– Ты хорошая.

– Правда?! Йес! – Она даже взвизгнула от радости. – Я тебе нравлюсь! И ты мне тоже! Очень. Нравиться.

Она схватила его за рога, притянула его морду к своим губам и чмокнула в нос. Как вчерашняя девочка в лифте.

– Послушай. Поверь, не потому, что ты клиент... а по правде, по-человечески тебе говорю – ты мне очень нравишься. Ты хороший. Ты добрый. Сильный. И умный. И еще такой пушистенький, мама дорогая!.. Давай просто полегим с тобой, а? Чисто по-дружески? Мне так нравится с тобой разговаривать. Редко с кем можно так пообщаться...

Она обвила руками его мохнатую шею, положила голову на плечо и прижалась к нему, ощущая всем телом тепло его шерсти, вдыхая запах овчины.

– Ты надолго в Москве? Если ты уедешь, я буду скучать. Если у тебя будет свободный вечер, я бы снова к тебе приехала. Для тебя это будет бесплатно. Ты не думай. Может, поучишь меня английскому, а? Я в школе учила английский, даже лучшая ученица в классе была по инглишу. Мне Сергей Сергеич, учитель наш, говорил: «Ну, ты, Машка, даешь вообще! На ходу все запоминаешь!» У нас деревня маленькая, Сергей Сергеич у нас и директор был, и математику вел, и русский, и английский... Да, меня, кстати, Маша зовут, никакая я не Злата, это так, сценический псевдоним. И вот мы даже песенку одну учили на

- английском, и там тоже про овечку, или барашка, не помню уже. Погоди, дай вспомнить... «Мэри хед э литл лэмб, литл лэмб, литл лэмб... Мэри хед э литл лэмб... Чего-то там вайт анд сноу...» Вот!
- It's fleece was white as snow, – поддержал Том. – Everywhere that Mary went, Mary went, Mary went, everywhere that Mary went, the lamb was sure to go.
  - Да-да! – обрадовалась она. – А потом там как-то грустно было, что он пошел с ней в школу, а его учитель прогнал и наругал...
  - It followed her to school one day, school one day, school one day, It followed her to school one day which was against the rules, – тихо напел Том. – It made the children laugh and play...
  - Laugh and play, laugh and play! – радостно закричала Маша. – It made the children laugh and play to see the lamb at school!
- И они хором продолжили:

*And so the teacher turned it out
Turned it out, turned it out,
And so the teacher turned it out,
But still it lingered near.*

- Ой, как здорово, я даже еще помню это! – засмеялась Маша. – Слушай, а ты за своей женой тоже так ходил в школу? Или вы уже в институте познакомились? Нет, в институт она бы вряд ли с овечкой ходила...
- Нет, – смущенно ответил Том, – ты неправильно понимать. Я тоже был человек. Но вчера меня превратили в баран. Она окаменела:
- Как? Разве такое возможно?
- Она отстранилась от него.
- Что – правда?
- Правда.
- Она в ужасе смотрела на него, потом сказала:
- Но... это ведь – незаконно? Да ведь?
- Абсолютли.
- А... кто это сделал?
- Плохие люди.
- Это че-то они оборзели вконец, – задумчиво проговорила Маша.
- Она обняла его, и он почувствовал, как по его морде катятся ее слезы.
- Бедненький... И что же ты будешь делать теперь? А тебя можно расколдовать обратно?
- Можно. Говорят, что можно. Мои бизнес-партнеры сейчас ведут переговоры об это.
- Она опять стиснула его в объятиях и стала поглаживать по холке.

- А какой у тебя рост был... когда ты был человеком? – снова начала она.
- Э-э-э, примерно шесть футов.
- А когда ты обратно станешь человеком, у тебя будет такой же рост?
- Томом вдруг овладело странное беспокойство.
- М-м, возможно...
- А ты будешь такой же хорошенький? Такой же милый? Сдержанный, мужественный, уверенный в себе? Такой же добрый?
- Вот оно. Вот что его обеспокоило. Будет ли он вообще когда-нибудь таким, как прежде? Том вдруг понял, что не уверен в этом. Как неожиданно точно она задает вопросы...
- А-а-а... – вдруг выдохнула она, прикрыв рот. – А когда ты станешь снова человеком, у тебя уже не будет этого милого хвостика? И этого прекрасного меха? И этих рожек?

Этот вопрос заставил Тома посмотреть на свое положение с другой стороны. А ведь верно: еще неизвестно, как успешно произойдет его превращение (если вообще произойдет). Он представил, как окажется в своем привычном костюме, но под брюками сзади будет выпирать хвост. А из-под воротника с галстуком – мохнатая шея и морда. С рогами. Тревога усиливалась и переходила в ожидание трагедии.

- А когда у тебя назначено превращение? Завтра?
- Это может быть. Завтра. Или не знаю...

И опять стала нарастать тревога. Ему пришла в голову мысль, и он аж содрогнулся. Ему придется ведь снова встретиться с этим человеком! Возможно, прямо завтра... Тома обуял мистический страх. Он понял, что больше никогда в жизни не сможет оказаться рядом с человеком, который сотворил с ним такое. Как и с Виталием. Это хуже, чем прыгнуть с крыши небоскреба...

Том вспомнил, как его взрослый ретривер Эммануэль II начал паниковать, скулить и тянуть прочь поводок, когда они проходили мимо ветклиники, где его кастрировали щенком. Это было через много лет после операции, Том был уверен, что Мэнни уже забыл это место. Но едва они вышли из машины в этом районе и подошли к перекрестку возле клиники, как собаку стало колотить крупной дрожью...

- Эй, ты что, спишь? – спросила Маша. – Хочешь, давай поспим. Я тоже сегодня не выспалась.

Она поцеловала его в лоб меж рогами и свернулась на нем калачиком. Том непроизвольно тоже чмокнул ее губами куда-то в руку и стал проваливаться в сон...

Вдруг раздался страшный удар. Аж пол заходил ходуном. Это где-то хлопнула тяжелая дверь. Звук

резкий и злой, как выстрел из пушки. Оба подско-чили от неожиданности. И услышали, как затопали какие-то люди по лестнице за стеной и стали раздаваться отчаянные крики.

– Что это? – испуганно спросила Маша.

– Ш-ш-ш... – отозвался Том и прислушался.

За стеной грохотал топот ног и доносились панические крики. Чувство надвигающейся трагедии не подвело Тома. В какой-то момент он разобрал знакомые голоса рядом за стенкой.

– Что вы наделали! Как вы могли! Вы с ума сошли! – Это был голос Коли.

– Да пошел ты! Еще вякни мне тут, шенок! Прочь с дороги! – Это был как будто Александр Иванович, но как будто совсем другой Александр Иванович. – Он ждал нас! Понимаешь – он ждал нас, сука! Мы когда пошли на штурм, он начал косить из пулемета, мы головы поднять не могли! Ни вперед, ни назад. Пришлось кинуть гранату.

– А... А как же теперь наш гость?!

– На шашлык твой гость, вот как! Пропади ты пропадом со своим бараном! Я чуть людей не потерял, и у нас теперь о-очень большие проблемы, ты даже не представляешь какие! И все из-за этой скотины новозеландской! Он теперь улика, он – свидетель... Так что барана на кухню, а мы ложимся на дно, понял?!

Голоса удалились, и дальнейший разговор стал неразборчив, но Том все понял.

– Про что они говорят? Что за крик? – тревожно спросила Маша.

– Все кончено, – сказал Том, стараясь говорить спокойно. – Мне конец.

Ему сейчас больше всего хотелось выглядеть достойно в глазах девушки, которая наговорила ему сегодня столько комплиментов. Но от мысли, что его дни закончатся в духовке или на вертеле, причем прямо сейчас, поколачивала дрожь.

– Что значит конец? Ты чего? Что значит конец?! – заволновалась Маша.

– Тебе лучше уходить. Скорее, прямо сейчас.

«Как это будет? – думал Том. – Как это будет? Войдут, скажут с натянутыми улыбочками пару любезных слов и ударят лопатой по шее. У них нет электрошокера, как на мясокомбинате. Или просто молча прижмут рога к полу и перережут горло». Том вспомнил того освежеванного барана на мясокомбинате, который ему подмигнул, проплывая на конвейере. Потом представил рутинную работу повара на кухне. То, как он сам, Том, иногда делал дома, готовя мясо для Джейн и Дороти. Разделить, порубить кости, отделить мясо, сложить на противень...

Посолить-поперчить... По готовности – сверху петрушки, жареный картофель... Но пока начнется процесс приготовления, он, Том, будет еще живой, возможно... Разве что начнет уходить в сон от потери крови.

– Объясни, что происходит, – сказала Маша.

– Переговор не удался. Меня надо убивать, потому что я есть эвиденс. Тебе надо убежать скорее.

– Ты что, спятил? – Она выкатила глаза. – Ты дурак, что ли? Никто тебя не убивать! Я не позволю. Барашек ты мой глупенький.

Она встала и заходила по комнате.

– Тебе надо убежать, – сказал Том. – Тебя тоже будут убивать, если ты будешь здесь.

– Что-о?! – заорала она. – Я им покажу... Взяли моду тут убивать! Суки...

Ее глаза были злые, как у рыси. Она остановилась, подумала и бросилась к сумочке. Достала телефон, стала набирать.

– Я знаю запасной выход, мы сейчас выйдем. Алло! Петя! Петенька! Бегом вставай, заводи машину и мухой за мной. Да, надо забрать срочно. Запознай адрес...

Бросив телефон в сумку, она кинулась в соседнюю комнату и через минуту вернулась одетой по-зимнему, в светлой дубленке и норковой шапке.

– Пошли скорее за мной.

– Тебе не надо рисковать, – сказал Том. – Это бесполезно. Нас все равно догонят. Если не догонят, то меня все равно найдут. Баран в Москве нельзя спрятать. И тебе будет плохо.

– Хватит ныть уже, давай бегом! – Она ухватила его за рог и потащила за собой.

Пока Том послушно лежал в заснеженном скверике под скамейкой, он больше всего молил Бога, чтобы у его бизнес-партнеров не оказалось собак. В это время Маша сидела сверху на скамейке и замерзшими руками царапала какую-то записку. Довольно скоро подъехала старая советская машина, оттуда вышел парень, коротко переговорил с Машей, потом сходил за мешковиной, завернул в нее Тома и отнес в багажник. В багажнике воняло бензином.

Минут через пятнадцать машина остановилась, багажник открылся, и к нему наклонилась Маша.

– Миленький, я так рада, что мы с тобой встретились! – сказала она, целуя в нос. – Петя ответит тебя к моим родителям и передаст от меня письмо, все будет хорошо... Потерпи немножко, ехать недалеко, к обеду уже будете. Не выходи из машины. А этим я скажу, что вернулась в час

ночи, моя соседка подтвердит, все будет о'кей... Оу-кей, хаха! А на Новый год я приеду, не забывай меня, мой сладкий!

В дороге Тома укачало, и он проспал большую часть пути. Проснулся, когда машина замедлила ход и со скрипом заковыляла по буеракам, так, что Том стучался рогами о крышку багажника. Остановились, Петя открыл багажник и спросил, не хочет ли Том выйти размяться. Том выпрыгнул из багажника и огляделся. Вокруг лежали заснеженные поля, которые рассекала уходящая вниз трасса, где-то вдалеке в утренней дымке виднелась темная шапка соснового леса. А метрах в ста от машины стояла ферма с околицей, из трубы избушки курился дым.

– Пойду куплю чего-нибудь пожрать, – сказал Петя, закуривая сигарету. – Тебе беляшей взять каких-нибудь? Или чем ты там питаешься?

– Если можно, сена, – смущенно попросил Том. – Если комбикорм, то будет тоже хорошо.

– Попить не желаешь? Воды? Молока? Водка? Пиво?

– Нет, спасибо.

Но Петя не пошел к ферме, а присел на корточки рядом с Томом. Затягивался сигаретой и явно что-то хотел спросить, но не решался. Том решил начать small talk, чтобы подбодрить своего спасителя.

– Хорошая у вас машина. Сколько цилиндров?

– Да-а... говно, а не машина, жигуль, сыпется на ходу, – зло выдохнул дым Петя.

– Мы доедем до конца?

– Доедем... наверное. Если не заглохнем где-нить...

– За нами есть погоня?

– Да хер знает. Но ты особо не высывайся. Специально так машину поставил, чтобы тебя с трассы не видно было. А со стороны кафешки за этой березкой укройся. Тут бараны в диковинку, не надо им тебя видеть. – Петя еще затянулся сигаретой, потом отшвырнул окурочку и решительно сказал: – Ты вот что. Я не спрашиваю, от кого ты там убегаешь, что натворил, замочил кого или киданул – не мое это дело. Мне Машка сказала – мне достаточно. Но хочу, чтобы между нами не было непоняток. Скажи мне прямо, по-пацански – у вас с ней было?

– Сорри, что было? – Том неуверенно поежился.

– Ты это, не юли, ладно? Я же с тобой по-нормальному... Секс был, спрашиваю?

– Петья, какой секс? Я баран, разве ты не видишь?

– Да все вы бараны поначалу, а потом... Люблю я ее. Классная она, Машка. Ничего не могу поделать. Работа мне ее не нравится, конечно. Я все понимаю, она зарабатывает в сто раз больше меня,

и родители у нее болеют... Но все равно стремно. Девки вечно думают, шас денег заработаю – и на Канары... А потом какой-нибудь иностранец попадется – и поминай как звали. А она же не такая... Вот ты баран, допустим. У тебя все просто и понятно в жизни. Травки пожевал, подрых, овцу покрыл. Снова пожевал. А она сложная... С виду такая, а на самом деле... Не своей жизнью она живет, ох, не своей.

– Я понимаю твои чувства, Петья. И сочувствую. Маша хорошая девушка.

– В общем, ты меня понял, да? Узнаю, что лез к ней зажиматься или будешь ей лапшу на уши вешать – не обижайся. Я нормальный чувак, ты тоже, хоть и есть в тебе что-то... Не совсем ты доверие вызываешь... В общем, запомнил, да? Ладно, давай пять, и я пошел...

– У меня нет пять, – грустно ответил Том.

Странное чувство испытывал Том, оглядывая окрестности в ожидании Пети. Сиреневые в пред-рассветных сумерках заснеженные поля были скучны и унылы, но их волнистая бескрайность таила в себе какую-то мощь и даже красоту. Белое безмолвие нарушали лишь редкие машины, проезжавшие по трассе куда-то в бесконечность. В той тишине и бескрайности можно было бы почувствовать себя затерянным и одиноким, если бы не подлое чувство тревоги от того, что в любой момент на трассе может остановиться машина преследователей, завидевших беглого барана. Или мысль о том, что милые и пасторальные хозяева фермы-кафе, завидев подозрительного барана, могут позвонить куда следует и сдать его преследователям. Или властям, что то же самое. Том, наслышанный о России как о полицейском, тоталитарном и криминальном государстве, все сильнее чувствовал, что кругом враги и что очень обманчива эта тишина, затерянность и умиротворение. Никуда не спрячешься, все равно найдут. И милые, добрые, вежливые люди в любой момент способны превратиться в стаю свирепых волков, а нечаянная помощь от неожиданных людей – просто случайный выигрыш в лотерею, и то очень ненадежный... Вот и Петя, от которого полностью зависит Том, готов проявить неожиданную агрессию. И все из-за каких-то фантазий... Любит он ее. Пусть любит. Его, Тома, это не касается. Он же не претендовал на Машу. Не в том он возрасте, да и не в том положении. Но ведь Маша и правда относится к нему по-особенному. Петей она просто распоряжается, а он, Том, для нее авторитет. Сумел произвести впечатление.

Его взгляд упал на березу. Том внезапно почувствовал необыкновенный прилив сил, огромное желание, просто невыносимую тягу...

Петя вернулся с охапкой сена в руках и кинул его в багажник.

– Ну че, погнали, братан, – сказал он и осекся. Огляделся в недоумении, потом стал смотреть на поваленную березу. – Это че это с ней, а? Как это так она поломалась? – Он посмотрел на Тома. Потом протянул руку и стряхнул с его лба и рогов щепки, обрывки бересты. – Ты зачем это сделал? Тебя ж хозяева могли засечь из кафешки.

Том молча отвернулся.

– Слушай, ты это че – на меня так разозлился? Ну ты живо-отное... Беспредельщик какой-то. Ладно, полезай в багажник, поехали.

– Гоу-гоу-герлз! Девочки – гоу-гоу-герлз! Общий выход! – подгоняла танцовщиц хостес в клубе «Пряный апельсин». – Маша, в строй бегом!

– Я только оттанцевала, я не участвую, – огрызнулась Маша.

– Потом поговорим, – прошипела хостес.

– Машка, ну иди сюда, рассказывай! – позвала из комнаты отдыха Аня, ее ближайшая подруга.

Маша развалилась на стуле за столиком у окна и счастливо улыбнулась.

– Ну, что рассказывать. Письмо прислал. Поеду к нему на Новый год. Уй, не терпится его увидеть!

– Письмо – это серьезный знак. А ты с самого начала почувствовала, что он к тебе неровно дышит?

– Ну, знаешь, я вначале к нему как к обычному клиенту, все как обычно. А он такой: «Вы мне нравитесь, девушка!» На «вы» сразу ко мне.

– А ты че?

– А я такая – раз! Ничего себе. Заявочки.

– А он че?

– А он такой – зырк мне на ноги.

– Ну у тебя ножки-то аппетитные. А ты че?

– А я просто разговариваю, внимания не обращаю. А потом чувствую что-то... Есть в нем что-то особенное. Смотрит и говорит он не как все. Взгляд умный. Манеры уважительные. И характер чувствуется. И я говорю: «Давно в Москве?»

– А он че?

– Нет, говорит, недавно.

– А ты че?

– А я смотрю, у него шерсть такая белая, пушистая, шелковистая. Я его глажу и прям мурашки по телу, аж дрожь какая-то... М-да, думаю, по-па-ла я.

– А он че?

– Ну, он опытный с женщинами, это чувствуется. Может так посмотреть или положить так голову на колени, и я вся такая – ах... Но вел себя сдержанно, уважительно. Не лез сразу во все места. Меня это и подкупило.

– Ты все же поосторожнее с ним. Раз он на тебя так действует, это опасно.

– Да, опасный чувак. Сердцеид.

– Нельзя вешаться мужикам на шею, поверь мне. Как поймет, что ты полностью его, то верхом сядет. Знаки надо давать, что ты его, но не всецело. Пусть поволнуется. Ну, а ты че?

– Ну, а я че – у него шерсть такая теплая, мягкая, я не могу вообще!

– Слушай, а он бляял при тебе?

– Не-а, вообще не бляял. Может, не научился еще. А может, сдерживался. Он вообще сдержанный такой. Чувств почти не показывает, но я-то все чувствую. И как на мои ноги смотрел, и на грудь, и даже руку мне поцеловал...

– Счастливая ты, Машка! Поздравляю, дорогая моя! Слушай, а кто он по знаку Зодиака?

– Он? – Маша задумалась. – Овен, наверное.

– О, Дева и Овен... Неоднозначное сочетание. С одной стороны, Овен... А с другой стороны – Дева! Та еще парочка. Хотя я еще проверю в своих записях, может, и не так все.

– Ну, ты знаешь, я когда его в машину сажала, он мне такой на прощанье: «Машенька, я тебя никогда не забуду! И ты меня не забывай! Приезжай на Новый год! Буду ждать!» И я так растрогалась, до слез прям.

– Слушай, ну это судьба прям. У вас с ним внутренняя связь, это точно. А что в письме-то пишет?

– Ну, все то же. Что ждет не дождетя. Скучает. Вспоминает, какая я красивая.

– Так и поезжай, не томи мужика. Но на шею все равно не вешайся. Жди от него шагов.

– Две недели доработаю и поеду, – мечтательно вздохнула Маша.

– Ну, все, я тебя целую, моя милая, а мне бежать надо, в зале ждет один старикашка на приватик.

Аня поцеловала Машу в губы и выбежала из раздевалки. А Маша достала из сумочки конверт с любимым обратным адресом – Костромская область, Пыщугский район, д. Верхняя Шайма – и стала в десятый раз перечитывать письмо, от которого второй день колотилось сердце.

«Здравствуйте, уважаемая Мария Николаевна! В первых строках своего письма передаю Вам горячий привет от мамы Вашей Галины Федоровны и отца Николая Саныча, а за одним от соседней Евдо-

кии Пантелеевны и Федора Свиридовича, и от одно-классницы Вашей Татьяны Петровны Дугиной и родителю ее, да и от всех односельчан. И особенно от учителя Вашего Сергея Сергеевича Пуминова, который любезно помогает мне писать это письмо.

Все Вас очень вспоминают и надеются на Ваш скорый приезд. Я всем рассказал, что у Вас много ответственной работы и как Вас ценят в коллективе, но есть надежда дождаться Вас на новогодние праздники. И все этому очень рады.

Также очень благодарен Вашим родителям Галине Федоровне и Николаю Санычу за теплый прием. Мне даже неловко, что меня держат в доме и ночевать просят в доме, даже место на диване предлагали, хотя я комфортно чувствую себя и в сарае. Я стараюсь по мере сил помогать Вашим родителям по хозяйству. Научился колоть дрова, мне ставят поленья у стены сарая, и я с разбега их разбиваю в щепки. А по вечерам мы беседуем о разном. Рассказывают мне о своей жизни. Еще мне много хорошего рассказали Ваши родители о Вас, о Вашем детстве и Ваших успехах в учебе.

Мы очень подружились с учителем Сергеем Сергеевичем. Он попросил меня помочь ему с уроками английского языка в школе. Дети очень радовались меня увидеть. Они старательные, вежливые и веселые. Им интересно со мной разговаривать, и они с энтузиазмом взялись за учебу, чтобы улучшать свои разговорные навыки. За две недели стали говорить намного свободнее. Много спрашивают про Новую Зеландию и Америку.

А вчера меня возили в Заветлужье. Там тоже дети были рады. Катались на санках. А на следующей неделе поедem в Жильскую Шайму. А после Нового года уже поедem в Вохму.

Сельчане ко мне относятся уважительно и приветливо, здороваются и часто спрашивают How do you do? И я им отвечаю “спасибо, и вам здоровья!”. Они сначала приносили Вашим родителям для меня соленые огурцы и сало с водкой, но уже привыкли, что мне больше сено нравится.

Собаки меня тоже почти не трогают. Они в основном дружелюбные, есть только две ненормальные, не скажу с какого двора, хозяева ведь не виноваты. Но я их уже проучил рогами, и они теперь лают только издали. Поэтому я уже сам свободно хожу по улицам. Заглядываю в гости после работы к Сергею Сергеевичу, мы немножко выпиваем водки, он играет на гармошке, и мы поем английские песенки. Например, ту, что вы любили петь, помните?..»

В этот момент большая тяжелая капля упала на письмо, и грудь Маши затряслась от всхлипываний.

Она читала последние строки, и ее руки тряслись, а слезы капали. Она читала знакомый стишок с начала до конца и по нескольку раз перечитала вслух последние четверостишия.

Завершалось письмо церемонным прощанием, пожеланиями здоровья, счастья и успехов в труде от всех перечисленных в начале письма персон. Маша прислонилась головой к стеклу окна, глядела на заснеженную ночную улицу и повторяла вслух одни и те же строчки:

*Why does the lamb love Mary so?
Love Mary so? Love Mary so?
Why does the lamb love Mary so?
The eager children cry.*

*Why, Mary loves the lamb, you know,
The lamb, you know, the lamb, you know,
Oh, Mary loves the lamb, you know,
The teacher did reply*.*

* «Почему барашек так любит Мэри?» – Нетерпеливо дети кричали.
«Видите ли, Мэри любит барашка», – Учитель отвечает.

(Популярный английский стишок, который в 1877 году зачитал Томас при испытании первого в мире фонографа.)